

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παράλιπομένων

Григорий
Ширман
Зазвездный зов

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

**Григорий Яковлевич Ширман
Владислав Александрович Резвый
М. Г. Радошевич**

**Зазвездный зов.
Стихотворения и поэмы
Серия «Серебряный
век. Паралипоменон»**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964874

Зазвездный зов: Стихотворения и поэмы / Сост. М.Г. Радошевич, В.А.

Резвого: Водолей; Москва; 2012

ISBN 978-5-91763-112-7

Аннотация

Творчество Григория Яковлевича Ширмана (1898–1956), очень ярко заявившего о себе в середине 1920-х гг., осталось не понято и не принято современниками. Талантливый поэт, мастер сонета, Ширман уже в конце 1920-х выпал из литературы почти на 60 лет. В настоящем издании полностью переиздаются поэтические сборники Ширмана, впервые публикуется анонсировавшийся, но так и не вышедший

при жизни автора сборник «Апокрифы», а также избранные стихотворения 1940-1950-х гг.

Содержание

Машина тишины	11
«День вскрыл себе ночные вены...»	12
«Не нашел в морях приюта...»	13
«По железному тракту машиной...»	14
«Беда и счастье, блеск и гром...»	15
«Слова теряют быстро свежесть...»	16
«Ты вазы бедер налила...»	17
«Мгновенна с вечностью беседа...»	18
«Мудрые дремучие деревья...»	19
«Я вам завидую, легко вам...»	20
«Старикам бы верить, греться...»	21
«Грозою смелой и жестокой...»	22
«Начало Песни Песней: шир...»	23
«Женщина мне встретилась в пути...»	24
«Размером ледяным столетий...»	25
«Цвела вселенная другая...»	26
«Быть может, я тебя наивней...»	27
«Мы не ворует, переходим...»	28
«Не уйдешь и не укроешь...»	29
«Вильнет столетий длинный хвост...»	30
«У певца сегодня праздник...»	32
«Я вижу час, он жутким будет...»	33
«Забыл в тумане, и следа нет...»	34

«Глаза бывают непролазны...»	35
«Как блондинка, ты, осень, любима...»	36
«На что душа, – а я строками...»	37
«Распустила постель кружевная...»	38
«Вот здесь бродил я одиноко...»	40
«Ворота времени раздвину...»	41
«Приду и уйду непреклонный...»	42
«Всюду тела узкий гроб...»	43
«Упал и крылья изломал...»	44
«Ты, как бокалы, черепа...»	45
«Не надо нам добра, не надо...»	46
«Тебя пою, покой вселенский...»	47
«Дыханьем осени огнистой...»	48
«Я бряцаю сердцем юным...»	49
«Неистойей Виссариона...»	50
«Жокеев развелось – страсть...»	51
«Во мне позвякивают звенья...»	52
«Так вот оно, море, какое...»	53
«В цилиндре образа частенько...»	54
«В цилиндре черном и вертлявом...»	56
«Не завянут, не замолятся...»	57
«Кремнями крепкими Кремля...»	58
«Клубится фимиам легенд...»	60
«От Мнемозины только девять...»	61
«Никто не знал, чей пламень жег там...»	62
«Чем туже память я сжимаю...»	63

«Заката распустились маки...»	64
«Обиды грустными крылами...»	65
«Какое странное занятие...»	66
«В кустах кирпичных, где поглуше...»	68
«Мы золотым подобны стаям...»	69
«Не извивайся, не упорствуй...»	70
«Ни одного еще алмаза...»	71
«Бичами вечер в очи хлещет...»	72
«Как мастер, будь молчаньем горд...»	73
«Они у жизни ищут смысл...»	74
«Сказала молодость: всего хорошего...»	75
«Никогда он не будет покоен...»	76
«В неверьи злом, как в черной корче вы...»	77
«В душе созвездия засели...»	78
«Морей немолкнущие гущи...»	79
«Золото, жемчуг, брильянты...»	81
«За фалды буря тащит вечер...»	82
«Как эфир голубоватый...»	83
«Можешь притворяться кроткой...»	84
«Как литавры, взвейтесь, зори...»	85
«Песчаный лев давно привык...»	86
«Ужели нет в душонках душ...»	87
«Под храмом банка синий склеп...»	88
«Если ты на вершине, – держись...»	89
«Слово было вначале...»	90
«Листья звезд давно завяли...»	92

«В осиннике смеется сирий...»	93
«Еще весна не пропиталась...»	94
«Сверкает тихий и великий...»	96
«Горька на вкус людская туша...»	98
«Не гаснет в пустынном народе...»	99
«О, смерть, о, вечный Рим вселенной...»	100
«Под фонтаном журчащего солнца...»	101
«Пугает Пан голубоглазый...»	102
«Веселый соловей не молкнет...»	103
«Таишься в утренней листве ты...»	104
«Большою буквою любили...»	105
«По-вашему, проснулись птицы...»	106
«Не лежит на месте камень...»	107
«Опять зажглась моя блондинка...»	108
«Опять на заре разбудила...»	109
«Земля – и нет иной святыни...»	110
«В резной бокал строфы мгновенной...»	111
«В снегу страницы мой костер...»	112
«Ну вот до сентября довед...»	113
«По камерам былых столетий...»	114
«Жена, твои несчастны уши...»	115
«Белый свет безбрежен...»	116
«О, ночь, я вновь твою свирель ищу...»	117
«Черные строф кружева...»	118
«Я только пел, я не курил...»	119
«Я хочу незаметным пройти...»	120

«Сколько вывесок и кличек...»	121
«Есть Нетова земля. Для многих...»	122
«В гробах шкатулок умирали...»	124
«Опять на плахе ночи канул...»	125
«Радуйтесь, – петь я не стану...»	126
«Я накипь твою золотую...»	127
«В стекло листа строка стучится...»	128
«Прильнула рыжими власами...»	129
«Ковшами строф души не вычерпать...»	130
«Тело света еще...»	131
«За сердца кулак неразжатый...»	132
«На этот лунный снег бумаги...»	134
«Горят везде мои цветы...»	135
«Великой любовью – до пепла Сахара...»	136
«Не за заставой в сорной яме...»	137
«У ней терпение востока...»	138
«Ветер, ветер, поэтический пес...»	139
«По дереву вселенной синей...»	140
«Теперь я знаю, отчего...»	141
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Григорий Ширман

Зазвездный зов.

Стихотворения и поэмы

© Ширман Г.Я., наследники, 2012

© Радошевич М.Г., составление, статья, 2012

© Резвый В.А., составление, подготовка текста, 2012

© Молодяков В.Э., послесловие, примечания, 2012

© М. и Л. Орлушины, оформление, 2012

© Издательство «Водолей», оформление, 2012

{1}

^{1} В настоящем издании полностью воспроизведены все прижизненные книги Г. Я. Ширмана, подготовленный им к печати сборник «Апокрифы» и избранные произведения послевоенного периода (1946–1951), когда им было написано более трех тысяч стихотворений. «Апокрифы» (за исключением трех стихотворений) и произведения послевоенных лет публикуются впервые по авторизованной машинописи из архива поэта, хранящегося у его дочери М. Г. Радошевич (Москва). Мы отказались от комментирования многочисленных астрономических, географических, исторических и мифологических имен собственных, которыми насыщена поэзия Ширмана. Как заметил Анатолий Франс по поводу Жозе-Мария де Эредиа, которого Ширман считал одним из своих учителей, «он коллекционирует редкие слова, как дети собирают камешки и стекляшки. Выискивает их во всех словарях. <...> Выкованное под ударами словаря произведение нельзя читать без словаря» (Бруссон Ж. Ж. Анатолий Франс в туфлях и халате. Л.-М., 1925. С. 185). Полагаем, что интересующийся читатель без труда найдет необходимую информацию, тем более что для понимания стихотворений это не всегда необходимо. Основное внимание в примечаниях уделено биографическо-

му и историко-литературному контексту произведений Ширмана, однако в нашу задачу не входило установление всех поэтических аллюзий и реминисценций в его стихах, что может стать темой отдельного исследования. Сведений о ряде адресатов посвящений найти не удалось. Примечания составлены В. Э. Молодяковым при участии А. Л. Соболева.

Машина тишины

{2}

^{2} Москва: Всероссийский союз поэтов, 1924. 216 с. 2000 экз. Нумерация стихотворений авторская.

«День вскрыл себе ночные вены...»

День вскрыл себе ночные вены,
И синей кровью мгла видна.
Я снова твой любовник вдохновенный,
Шумящая живая тишина.

С тобой сижу под лампой снова.
Вблизи, как мельница времен,
Часы выстукивают то же слово,
Чем с ранних лет я был тобой пленен.

Ах, это слово роковое...
Оно, как резвая звезда, —
То губки сложит, мне в глаза завоет,
То хрупкой бабочкой слетит туда.

И всюду в снах земного края
Я слышу звон твоей тоски.
И, черной бездной в радужках сверкая,
Как пасти, разверзаются зрачки.

И уж ничто на белом свете,
Ни блеск, ни счастье, ничто —
Не в силах глаз поэта переметить,
Что выжег ад на лбу его перстом.

«Не нашел в морях приюта...»

Не нашел в морях приюта
Мой прапрадед Архилох.
Все пути он перепутал
И в громах пучин оглох.

И другие плыли, плыли,
Клали весла на костры,
Парусов сжигали крылья,
В синь огнистые вихры.

Вот и я теперь такой же.
Солнце лапой по плечу,
Звезды бегают по коже,
Не плыву, а, зная, лечу,

В терем Майи я крылами,
Ставни вечности я рву.
Наготы увидеть пламя
Залегло в мою главу.

Не согну в борьбе колена,
Буду петь и звать к борьбе.
Одиночества вселенной
Слышу музыку в себе.

«По железному тракту машиной...»

По железному тракту машиной,
По костям, по костям тишина.
Звезды лезут с украдкой мышиною.
Падаль синяя мглы зажжена.

Лунный голод, и лакома мгла та.
Клюв пера тишиной отточен...
Ты на плахе святой циферблата
Рубишь головы мигов мечом.

И в пещерах затопленных сердца
Сталакмиты ломаешь и гнешь,
И не можешь ты в мире согреться...
Золотая проклятая дрожь.

А в садах, что до пят облетели,
Скрип и ход и ветвей, и ворот...
Этой ночью на желтой постели
Ветер голую землю берет.

«Беда и счастье, блеск и гром...»

Беда и счастье, блеск и гром.
Дымясь, неистовствуют краски.
И каждый вечер за окном
Зари не молкнет пляс цыганский.

И высь линяет вечер каждый,
И язвы звездные горят,
И не залить безумной жажды
За то, что кровь – не кровь, а яд.

И в синь закинута ресницы,
И в невод прыгают миры.
И ненасытным песням снится
Пора неведомой поры.

Чернеет слово, как зародыш,
Сквозь снег страницы – скорлупы...
Эй ты, поэт, – миры городишь,
А надо быть скупым, скупым...

«Слова теряют быстро свежесть...»

Слова теряют быстро свежесть,
Быстрее, чем вечер и апрель,
И под лучом, недолго нежась,
Их выцветает акварель.

Вчера левкоем слово нюхал,
Пропал сегодня аромат.
Луна, закрашенная шлюха,
Крадется снова в синий сад.

И вновь за старенькой оградой
Заката грязная рука
Легла кирпичною громадой
На скомканные облака.

Лишь те слова цветут огнисто,
Что не вскопал еще язык.
Их блеск невиданный неистов.
Их гром неслыханный велик.

«Ты вазы бедер налила...»

Ты вазы бедер налила,
И вихрем пламенным оттуда,
И глаз волнующая мгла,
И грудей каменная гряда.

Не знаю, что там будет: ложе
Иль край, край света впереди.
Ведь в каждой женщине, быть может,
Изида млечная сидит.

И в ночь зрачками, как волчица,
И вечный путь в парном дыму,
И в колеснице звездной мчится
К возлюбленному своему.

И шар земной кружится свято,
Вдыхая жадно млечный дым,
Чтоб кинуться в хмелю заката
Фаллосом солнца золотым.

«Мгновенна с вечностью беседа...»

Мгновенна с вечностью беседа,
Лишь миг живут ее цветы.
Певец, ты миг до дна изведал,
Но миг продлить не волен ты.

И ты скорей к тетради глупой,
Под пресс живые лепестки,
И – строк засушенные трупы,
Скелеты черные тоски.

И будешь вечно недоволен
Своим бессмысленным трудом
За то, что где-то там, на воле
Горел иначе этот том.

«Мудрые дремучие деревья...»

Мудрые дремучие деревья.
Под корой мозольной свиток лет.
Лишь порою тучи их разгневят,
И шумят за тучами вослед.

Тучи голыми руками молний
В тишине синеющей гребут.
Гром строку Бетховена исполнил:
Юный день безвременно в гробу.

Хорошо тогда дубы бушуют,
Мудрость деревянную губя.
Я гляжу в немую и большую,
Тайна бытия, гляжу в тебя.

«Я вам завидую, легко вам...»

Я вам завидую, легко вам
Без груза вечности гулять.
А я свинцом ее окован,
И как магнит в ногах земля.

И змеи слов меня кусают.
И как вино змеиный яд.
И мне про гневного Исаяю
Века созвездий говорят.
И всё, что было, на ладони.
И всё, что будет, предо мной.
И ветер кровь земную гонит
И веет мудростью земной.

И рад свинцовому я грузу.
Свинец, как золото, тяжел.
Чтоб не ласкать, чтоб выпить музу,
Я в этот пьяный мир пришел.

«Старикам бы верить, греться...»

Старикам бы верить, греться,
Чтобы с верой околеть
На печи глухого сердца,
Не пустой оставив клеть.

Нам бы гром подземный Этны,
Жгучий холод вышины.
Мы безверием бессмертны,
Мы безумием сильны.

Нам по глетчерам бы лазать,
По грудям молочных Альп,
Привязать к седлу Пегаса
Рыжего заката скальп.

Погулять в степи зазвездной,
Голубую вспенить гладь,
Тихим вечером над бездной
Жаждой вечности пылать.

Перегнуться на лету нам.
Звезды сливочные – сладсть.
В мутном сумраке безлунном
Метеорами упасть.

«Грозою смелой и жестокой...»

Грозою смелой и жестокой
Ты прошумела и прошла.
И стынут в судорогах строки,
Сгоревших мигов черный шлак.

И след от мига золотого
Созвездья желтые клюют.
И буйный полдень четвертован:
Восток и запад, север, юг...

И беспощаден и огромен
Палач... Он в фартуке зари.
И лезут из лучей – соломин
Мгновенных радуг пузыри.

А там, на площади закланной,
Где пасть луны над трупом дня,
У золотой стены заката
Поэты воют и звенят.

«Начало Песни Песней: шир...»

Начало Песни Песней: шир.
А «ман» в Европе – человек.
С далеких стран, с широких рек
Пришел скучать я в этот мир.

Я слышу ветра звон и гуд,
Несет зачатъе милой ржи.
И рвет он тучки на бегу
И, задыхаясь, вновь бежит.

И улыбается в шелку
Расчесанная солнцем рожь.
И тени сизые текут,
И ветер мил, любим, хорош...
И забываю, что скучать
Я в этот милый мир пришел.
И я свирель беру луча,
И тела ржи хвалю я шелк.

«Женщина мне встретилась в пути...»

Женщина мне встретилась в пути
В белом на асфальте размягченном.
Вежливо кривясь, я дал пройти,
Но остался полон я трезвоном.

Оттого, что сшиблись мы зрачками
На пороге остром встречи той,
И в мои – скатился пестрый камень,
Женщины кусочек золотой.

И ее улыбки алый хвостик
Молнией по жилам голубым.
И, как скрипки, друг о друга кости,
Мускулами музыка по ним.

И я шлю проклятья вам, культуры,
Что святую страсть за семь дверей,
Что в холодных, скучных и понурых
Страстных превратили дикарей.

«Размером ледяным столетий...»

Размером ледяным столетий
Миров поэма сплетена,
И со страниц полночи светят
Их золотые письма.

То мысли звездные, как птицы,
На тонких жердочках лучей.
И чей-то дух в мирах томится,
И сам творец не знает чей.

И два героя, вечно двое,
Два брата странных, рай и ад,
Метелью млечной вечно воют
И струны ребер шевелят.

И женщин дюжины лихие
Выходят из костей мужчин.
И в каждой новая стихия,
И страсть мышьяная пищит.

А шпоры звезд, – им вечно звякать.
Миров поэма такова.
И, как поэмы в мире всякой,
Ее не кончены слова.

«Цвела вселенная другая...»

Цвела вселенная другая,
Огнем бессмертия цвела,
И с раскаленных звездных гаек
Не сыпалась на землю мгла.

И не было самой земли-то,
А было сердце из огня.
В нем все земные были слиты
И то, что там, внутри меня.

Огнистой шерстью обросший,
Как зверь, метался рыжий шар.
Незримой инфракрасной ношей
На нем болталась душа.

Но время занавес спустило.
Огня, как рампа, гасла прыть.
И толп воды глухая сила
Подмости суши стала рыть.

И с той поры доселе длится
Антракт безумный, роковой.
И звезд гримасничают лица,
И волн и строк не молкнет вой.

«Быть может, я тебя наивней...»

Быть может, я тебя наивней,
Но верю я в грядущий век.
Подымет счастье на бивни
Древнейший мамонт – человек.

Залезет лапой закорузлой
В зарю оранжевых садов.
И новых рек иные русла
Омоют бедра городов.

Вздохнут невиданные крылья,
Решетки зла преодолев.
И лунный мед мужчина выльет,
Как в ночь египетскую лев.

И будет женщина иначе
И раздеваться и рожать.
И жизнь, рождаясь, не заплачет.
И смерть не выйдет из ножа.

А солнце в блузе неба синей
Златые руки засучит
И всей охапкой людям кинет
Колосья новые – лучи.

«Мы не ворует, переходим...»

Мы не ворует, переходим
Один в другого мы.
Пере селенье муз в природе.
Так звезды на скрижалях тьмы.

И был Гомер, и был Гомерик.
И тот же звон, биенье то ж
Проходит и на вечность мерит
Певца немолкнущую дрожь.

Себя найду во многих, знаю.
И многих я найду в себе.
Над бездной я иду по краю.
И та же синь в моей судьбе.

«Не уйдешь и не укроешь...»

Не уйдешь и не укроешь
Змей, мечей, миров, дорог...
Сердце алое такое ж
В этих черных ребрах строк.

Но другие, снеговые
Улыбаются меж тех,
Гнут невидимые выи,
Непокорные мечте.

Рельсы белые на шпалах
Букв обугленных речей.
Здесь промчались в искрах алых
Паровозы всех ночей.

Строки между строк, лишь по три
В четных врезались строфах.
Но их пламень белый смотрит
В триста глаз, сердец и плах.

«Вильнет столетий длинный хвост...»

Вильнет столетий длинный хвост.
Автомобиль – в музейных стенах.
Как сено, радий будет прост
Как вила, радиоантенна.

Лишь археолог будет знать
Существование мотоцикла.
Давно в народ, как прежде в знать,
Скучища смертная проникла.

Поэтов нынешних, как древних,
Пред сном откроет кто-нибудь,
И скука зимняя деревни
Сщежит американцу грудь.

Как искры солнц подземных, люди
До многих Марсов долетят.
И понимать Эйнштейна будет
Новорожденное дитя.

И станет жизнь еще короче,
Улыбка смерти веселей.
А звезды в черном храме ночи
Не перестанут лить елей.

И все машины будут стары.
Лишь вечно будет та нова,
Чьи неустанные удары
В затишьи ночи ткут слова.

«У певца сегодня праздник...»

У певца сегодня праздник.
Как шампанское, закат.
Струны бешеные дразнит
Опьяненная рука.

Бликий ветер по-цыгански
Воет, пляшет, тра-ля-ля.
Золотой вечерней ласки
Жаждет смуглая земля.

И встают из звезд-словечек,
Как миры, встают слова.
И певец минуту вечен
И минутой мир сковал.

«Я вижу час, он жутким будет...»

Я вижу час, он жутким будет,
На костылях лучей придет.
С закатным панцирем на груди,
С улыбкой лунной во весь рот.

За ним, дыша шагами, войско,
Машины тишины за ним,
И выются конницей геройской
Тысячелетия и дни.

Зайдет в шатер дырявой ночи,
И в свитке млечного пути
Он вместо звездных многоточий
Слова разврата начертит.

«Забыл в тумане, и следа нет...»

Забыл в тумане, и следа нет
От слова, что сказала ты.
Огонь бежит по ребрам зданий,
Визжит на скрипках золотых.

И звезд граненые бокалы
До голубых краев полны.
И бродит половой усталый
С лицом бессмысленным луны.

И не дано мне слово помнить,
То слово, что сказала ты.
Огонь всё ближе, всё огромней
На скрипках скачет золотых.

«Глаза бывают непролазны...»

Глаза бывают непролазны,
Как монастырские болота.
По берегам цветут соблазны,
В зрачках чернеет позолота.

И ничего не разглядишь.
Одно лишь видно: не хорош
Их пламень и тревожна тишь,
И слышен шепот век: не трожь.

Душа какой-то силы вражьей
Легла в зеленой глубине глаз тех
И ткёт одной рукой миражи,
Другую губит их, как мастер.

Стирает губкой облаков
Раззолоченную лазурь
И ронит, как звезду, легко
Творенья жгучую слезу.

«Как блондинка, ты, осень, любима...»

Как блондинка, ты, осень, любима
За настурции губок, за всё...
Пьяных звезд началась пантомима,
Пьяный ветер опять режиссер.

Ох, банкиру так злато не дорого,
Как поэту издохший листок.
Нет ни друга теперь, нет ни врага
У моих отлетающих строк...

Будет завтра опять, как сегодня,
Кувыраться вот эта звезда.
Что на свете свежей, что свободней
Крыльев ветра, чей путь – никуда.

«На что душа, – а я строками...»

На что душа, – а я строками
В ее бумажный барабан.
И тела бел горячий камень,
И вечер нож к моим губам.

И с холма сердца голубого
Стекают слов моих стада.
И паром млечным пахнет слово,
Иначе значит, чем всегда.

И в небе золотые жилки
Стучатся пульсом золотым,
И чудится, что вечер жидкий,
Что мертвой зыбью мир застыл.

«Распустила постель кружевная...»

Распустила постель кружевная^{3} Н
Лепестки снеговые белья.
В ней, тычинки лучей раздвигая,
Забарахталась крошка моя.

Как положено ей, закричала,
Заорала на комнату всю.
Пью до дна золотого бокала
За любимую Тамарусю.

Покупать я ей стану игрушек,
Всё пичужек да крошечных дам.
Чтобы старые формы разрушить,
В пионеры малютку отдам.

Расскажу ей, далеко на юге,
Где морей голубые бои,
Пляшут в горах лиловые выюги,
О зарю точат крылья свои.

Там лежит, и не дружен ни с кем он,
И о зле уж не думает он,
И прекраснее ангела демон,

^{3} Посвящено дочери поэта Тамаре Григорьевне Ширман (1924–1929).

Оттого, что в Тамару влюблен

«Вот здесь бродил я одиноко...»

Вот здесь бродил я одиноко,
Грустил ребенком в роще той.
Заря причесывала локон
Своей гребенкой золотой.

И целовала прямо в лобик
И провожала до крыльца.
И был от грусти так беззлобен
Овал у вечера – отца.

Углом белка он исподлюбя,
Осколком месяца глядел.
Уж звезд нетающие хлопья
Возились в сизой бороде.
А тишина у ног лежала,
Как бессловесная змея.
Но я ее почуял жало,
И мудрость звезд поведал я.

И с той поры горит доселе,
Вином клубится вещий яд.
И бродит вечностью похмелье,
И строфы звездные звенят.

«Ворота времени раздвину...»

Ворота времени раздвину
Расчищу путь, что вихрь замел.
Конец, начало, середину —
Измерю все концы времен.

Всё то, что я таил намерднн,
Скажу теперь я напрямик.
Грустнейшее из слов «последний»
Скажу тебе, желанный миг.

Придешь, придешь, хвостом кометы
Поля земные закоптишь.
И в городах в полночной тьме ты
Как львиц из клеток – Смерть и Тишь.

А Солнце как всегда с прохладцем
Взойдет над миром, что угас.
И будет как всегда смеяться
Над миром, чья могила – газ.

«Приду и уйду непреклонный...»

Приду и уйду непреклонный,
Надушенный жуткой любовью.
Страниц меловые колонны
Гирляндами строк обовью.

Опять золотыми руками
За лук полумесяца вечер.
Я сердце, как бешеный камень,
Как в стекла – в глаза человечьи.

О, там полдесятка желудков!..
Жуют вековую бурду.
Любовью, и гордой, и жуткой,
Я орды зари приведу.

«Всюду тела узкий гроб...»

Всюду тела узкий гроб.
Всюду плеч свинцовых плети.
По рогам былых Европ,
По хребтам былых столетий.

Рук изломанных стволы.
Бурелом непроходимый.
Не таким ли ты прослыл?
Не такого ль ждем в пути мы?

Демон милый, голубой,
Мефистофеля племянник, —
Вот и я лечу с тобой.
И земля, и небо тянет.

И я, падая, лечу
И горю, горю, сгорая.
Шлю проклятия мечу
Оскандаленного рая.

В синий вечер упаду.
Звезд мозгами синь обрызну.
Горы черные в аду
Справят огненную тризну.

«Упал и крылья изломал...»

Упал и крылья изломал
И лег на жестком оперении.
И мир ему как прежде мал,
И кто-то мир как лодку кренит.

И он глаза, лавины глаз
Швырнул лиловыми руками.
И где-то буря поднялась
И в бездну кинула свой камень.

И закипела глубина,
Волнами злобствуя и тужась.
И в черном мире застонал,
Как чайка беленькая, ужас.

А он до сей поры лежит.
Не мертв, но, словно мертвый, нем он.
Влюбленный в звездные ножи,
Влюбленный безнадежно демон.

«Ты, как бокалы, черепа...»

Ты, как бокалы, черепа
До их бездонной смертной глуби.
В горах вечерних откопал
Твою печаль лиловый Врубель.

И саркофага тонкий меч
От перьев желтых зорь очистил.
И ребра все до синих плеч
Изрезал лотосами истин.

И через край хватил златой
И в сумасшедшем доме умер.
Но, горькой жаль красотой,
Живет прекрасное безумье.

«Не надо нам добра, не надо...»

Не надо нам добра, не надо...

И дней золы не надо нам.

Многовековым звездопадом

Родная Русь удобрена.

Кругом, как войско, перелески

К боям готовые стоят.

А грусть гармошки деревенской

По сердцу льет вечерний яд.

Тот яд горит и не застынет,

Куда, куда ни заберусь.

И в Африке, в ночной пустыне

Твои шаги я слышу, Русь.

И там во мгле неопалимой

Под акварельной синевой

Флиртует месяц с юной пальмой

И душит лапой пуховой.

И синий Нил похож на Волгу.

И не папирус – камыши

В ночищах шепчутся подолгу

И звезды там жуют в тиши.

«Тебя пою, покой вселенский...»

Тебя пою, покой вселенский,
Покой неведомой тоски.
За то, что плавишь в черном блеске
Мои зыбучие зрачки.

И ракушками бездн усыпан
Кружочек радужки любой.
Возникла песнь из пены хрипа
На ниве той, где мчался бой.

Луны бессмысленная лапа
Ночей ласкает купола.
Топленным воском звезд закапан
Пасущий облака Алла.

И ты, о снежная страница,
Крылатых песен барабан, —
Мне на кривом Арбате снится
Твоя скрипучая арба.

И эхо там в мозгу, в ущельи...
Над бездной – быстрой мысли вскок.
А вон по кручам заблестели
Змеиные тропинки строк.

«Дыханьем осени огнистой...»

Дыханьем осени огнистой
Уже листва обожжена.
И роща в золотых монистах,
Как в праздник пухлая жена.

Вот скоро-скоро засмеется,
Блондинкой прыснет золотой.
В объятиях звериных солнца
Последней крикнет красотой.

И будет грустью и худищем.
Скелетом черным захрустит..
Лишь ветер меж ветвей засвищет
О том, что к смерти все пути.

«Я бряцаю сердцем юным...»

Я бряцаю сердцем юным,
А кругом народ, костры...
Как ножи лихие струны,
Струны жгучие остры...

Из-за пищи, из-за хижин
На костры идет народ.
Саранчою звезд засижен
Бесколонный низкий свод.

В синях ночи пар Кастальский,
Песней млечною дымок.
Тот, кто слышит мало-мальски,
Песню б ту расслышать мог.

Голод уши увеличил,
Ловят молнии, прядут.
Голод в золотом обличьи
На сухую пал гряду.

У красавицы-страницы
В пухлоснежном животе
Строф кишечник шевелится,
Тот же голод, муки те...

«Неистойей Виссариона...»

Неистойей Виссариона,
Вольнее ветра самого
Огонь души моей бессонной
Свое справляет торжество.

Свое же пламя сам же славит,
Свои же пляшут языки.
А может, сон вернее яви,
Да, может, смех мудрей тоски?

О черепа, – иль глаз нет,
Иль костяные, что ли, сплошь?
Не чуете, как сумрак гаснет,
И сон по-вашему, что ложь.

И стрелка синяя компаса
Не отклоняется у вас
От многослойного Парнаса,
Чьи недра не провидит глаз.

Я взрыть хочу седые склоны.
Киркою звонкой – я туда,
Где сил подземно раскаленных
Таится звездная руда.

«Жокеев развелось – страсть...»

Жокеев развелось – страсть,
Лихих наездников по сотне.
Одни галопом славят власть,
Другие шагом – день субботний.

Тебе, любовь, мы не изменим.
Метелью фыркает на нас
Неисчерпаемым ячменем
В веках откормленный Пегас.

И пусть одни кричат: заезжен,
Куда ему, куда лететь!
И пусть другим он слишком нежен,
Чтоб грудью рвать созвездий сеть.

Мы голову к лебяжьей вые,
И – чрез закат, и чрез рассвет,
Чрез все преграды огневые,
Чрез всю вселенную – поэт.

«Во мне позвякивают звенья...»

Во мне позвякивают звенья
Еще не начатых поэм.
Не знаю, кто мне вдохновенья,
Душа переночует с кем.

Любимец был какой-то Надсон,
Весенний, падкий на скандал.
Ах, я боюсь, друзья, признаться,
Что я Тарзана не читал.

А дрянофил наш Облаковский...
Похож на клоуна и льва.
Пиит Республики Московской
Мне перепонки волновал.

Куда забраться мне, бродяге, —
Не к старикам ли в старый дом?
Иль, может, выстроить мне лагерь
На берегу том золотом?

И там бродить и волны слушать,
И бури ждать, как ночи тать.
Быть мужем вероломным суши,
О пене голых волн мечтать.

«Так вот оно, море, какое...»

Так вот оно, море, какое.
Стихия бесформенных форм.
Засеян в подводном покое
Неслыханный бешеный шторм.

Зеленое, синее, черное.
Шумящий волшебнейший рост.
Вспухают незримые зерна.
И пена растет из борозд.

И сыплет, что яблони в мае.
Сугробы. Метелицей, что ль?
И сердце метет свою боль,
Стихия стихии внимает.

И зреет на дне, хорошеет
Жемчужница, глубже ростки.
Приснились ей талии шеек
В объятья сокровищ морских.

«В цилиндре образа частенько...»

В цилиндре^{4} образа частенько
Я посиять, друзья, не прочь.
На струнах строк люблю потренькать
В испепеляющую ночь.

Один купался я в закате.
Деревьев черный дым висел.
Сосед мечтает: видно, спятил,
Не гасит света мой сосед.

А я зари влюбленный сторож.
У двери золотой стою.
Один, один. С зеленых стор уж
Рассвет сползает в мой приют.

Прянее он старые мне вести,
Что снова чье-то торжество,
Что в небе звездных нет отверстий,
И можно солнце влить в него.

И буду днем я вам враждебен,

^{4} Тема *цилиндра* – возможно, иронический выпад против имажинистов, включая знакомых с Ширманом С. А. Есенина и А. Б. Мариенгофа, видевших в цилиндрах не только предмет гардероба, но и деталь литературного имиджа.

О, струны скомканные строк.
Поэты странное отребье.
Стихия – мать, а батька – рок.

«В цилиндре черном и вертявом...»

В цилиндре черном и вертявом
Банкир, и кучер, и поэт.
В карете мира тонкий дьявол.
Как барин. В черном разодет.

Вчера видал, конь мира пал как
На мостовой в кругу зевак.
В колоннах банка – катафалка
Останки золотые. Звяк.

И в мир глядит потусторонний,
Певец глядит и славит сон.
И этот мир строфой хоронит.
Зато в цилиндре черном он.

«Не завянут, не замолятся...»

Не завянут, не замолятся
Незабвенные года.
Загубила добра молодца
Забубенная беда.

Как седлал росую мытаго
Стрекопытаго коня.
Завязал с зарею битву он, —
Звезд-затворов стрекотня.

Залегла змея – дороженька
В синем поле у села.
Добра молодца художника
Звоном звеньев заплела.

В том селе торгуют дешево
И любовью, и пшеном.
Песня смеха скоморошъего
Не смолкает за окном.

Не ходи ты зачарованно,
Той дорожкой не ходи.
Из дремучих вечеров она
Заползла к твоей груди.

«Кремнями крепкими Кремля...»

Кремнями крепкими Кремля
О небо стукнулась земля,
Из стали звезды выбивая.
И синь зажглася мировая.

И выются радио сигналы
По голубым путям миров.
В такую ночь земля узнала,
Как с рог Изиды снять покров.

Вон там она, где в безднах роясь,
Клубится млечная струя,
Где Ориона яркий пояс
Блестит застежками тремя.

На голубом лугу пасется.
Кузнечиками звездный бой.
Коровкой божьей божье солнце
Ползет по коже голубой.

Жует, молчит, и синей крови
Я чую песнь в ее груди.
И синей бездной взгляд коровий.
И вечность падалю смердит.

И пред убожеством богини
Упала вновь толпа миров,
Карабкаясь по скалам синим,
Целуя содранный покров.

На синеву опять накинуть
Хотят таинственную сеть.
Но легче льву давать мякину,
Чем двери тайны запереть.

«Клубится фимиам легенд...»

Клубится фимиам легенд,
На блюдах горизонтов лица.
Опять твой нежный ум двоится,
Сними пенснэ, интеллигент.

Теперь не вещи глаза,
Теперь лишь вещи только руки.
Уж топорами молний рубит
Светлицу новую гроза.

Зайди омытый ей и стань
У закаленного станка ты.
Плевать на томные закаты,
Сдерем их золотую ткань.

Вон там за рощей, где туман,
Луны причалила ушкуя.
Уж, буйной дробью звезд воркуя,
Бушует небо – барабан...

Клубится фимиам легенд,
На блюдах зорь кровавых лица.
Опять твой нежный ум двоится,
Сними пенснэ, интеллигент.

«От Мнемозины только девять...»

От Мнемозины только девять
У Зевса было дочерей.
Ах, я боюсь его разгневать, —
Я имена забыл, ей-ей.

Одно я помню... Вот нелепость!
Сидеть на пне и не мечтать,
А всю историю и эпос
В свою записывать тетрадь.

То имя: Клио. Знала меру,
Покойно мерила строкой.
И, говорят, тайком Гомеру
Дарила, как глаза, покой.

Но тот к иной невыразимо
Таил безмерную любовь,
И люто северные зимы
Ковали солнечную кровь.

Быть надо лириком сперва,
Чтоб начертить в веках слова
Во имя вечного союза:
О ты, эпическая муза.

«Никто не знал, чей пламень жег там...»

Никто не знал, чей пламень жег там
И перья вырывал из крыл
И знаменем тревожно желтым
Останки вечера закрыл.

А те объевшиеся дали,
Что солнце разжевали всласть,
Ушами желтыми прядали,
Точили молниями пасть.

Из глаз домов глядели люди.
Блистают храмы. Жуткий вид.
Гроза ль неслыханная будет,
Иль это пригород горит?

Мир был один, и было не с кем
Рассыпать ливень серебра,
И долго тьму мешал он с блеском...
Такой закат любил Рембрандт.

«Чем туже память я сжимаю...»

Чем туже память я сжимаю,
Тем глубже то, что позабыл.
Какому яблочному маю
Я подарил свой первый пыл?

Поила медом и кружила
Зари янтарная мятель.
У сумерок взбухали жилы...
Что в лепестках страниц, – не те ль?

Не те ль, что выются неустанно
И хлещут песней по ночам,
Когда затянутые раны
Безумец ковыряет сам?

«Заката распустились маки...

Заката распустились маки
И облетели в тот же час.
И в голубом хрустальном мраке
Хмелеют диски чьих-то глаз.

И кто-то близкий необъятный
Тихонько к сердцу подошел,
И гранит в безднах бриллианты,
И грез натягивает шелк.

Забуду час теперь который,
Забуду я который век.
Уйду я в синие просторы
По лунной матовой траве.

Забуду миф о солнце милом,
Я ванну лунную приму.
Влюбился в мертвое светило,
Что шлейфом по столетьям – тьму.

И сил у мира не хватает,
Чтоб лунный вытравить загар.
И кожа сердца золотая
Звенит, звенит от стрел врага.

«Обиды грустными крылами...»

Обиды грустными крылами
Обвеяна издревле Русь.
Недаром в мировое пламя
Ее бушующая грусть.

Здесь ветры пляшут неустанно
Под звон сосновый, звон гитар.
Вон там березки Левитана
В девичьем поле ждут татар.
И платина, металл крепчайший,
В спине меж двух материков
Залег многопудовой чашей
И тянет многих ходоков.

А солнце – молот, реки плющит...
На мостовых у нас трава.
Волшебны наши сны, – а пуще
Широко-низкая Москва.

«Какое странное занятие...»

Какое странное занятие^{5}
Стихи пописывать, друзья.
Небось, и сами верно знаете,
Какая скользкая стезя.

Почитывать нас мало стали,
Не покупают нас хоть бей.
Кому нужны немые дали
И громохание зыбей?

Куда нужней, куда полезней
Романы, пудра, башмаки...
Зачем вздыхать о синей бездне,
Быть вечным рыцарем тоски?

И вот, по мнению ученых, —
Столбцы элегий и баллад
Микробами болезней сонных,
Как выси звездами, кишат.

От их безбрежного потопа
Погибнет снежная Европа,

^{5} И.Г. Эренбург упомянут здесь как автор книги «Трест Д. Е., или История гибели Европы» (1923).

Как наш недавний верный друг,
Профессор славный Эренбург

«В кустах кирпичных, где поглуше...»

В кустах кирпичных, где поглуше,
По переулкам, где тоска,
Ночные хоботы церквушек
Крестами лижут облака.

Колоколов зеленых уши
Висят, как дряхлые листы.
А небосвод, давно уснувший,
Спросонок скалит на кресты.

И золотых миров плевками —
В седые хоботы церквей.
И веры старой серый камень
Еще бледней, еще мертвей.

И меж седыми облаками,
Как переспелый плод, луна.
И льнет к очам, к оконцам камер,
Крылом неведомого сна.

«Мы золотым подобны стаям...»

Мы золотым подобны стаям
Периодических комет,
В ночах веков перелетаем,
Как моль, с предмета на предмет.

Плетем метельные мы сети
Неунимающихся зим.
Вечерним снегом тихо светим
И тихой гибелью грозим.

Солнца далекие, как гнезда
В листве вселенной голубой...
О, свет, не я ли слово создал,
Не я ль смеюся над тобой?

И я лечу, чтобы звучало
О струны волн мое крыло.
Ведь твой конец – мое начало,
Ведь холод твой – мое тепло.

И чрез иную, как чрез эту,
Я все миную рубежи.
Творцу древнейшему, поэту
Вселенная принадлежит.

«Не извивайся, не упорствуй...»

Не извивайся, не упорствуй,
Не проливай сладчайший яд, —
Пособьями по свиноводству
Витрины времени пестрят.

Народ стихов не терпит боле,
Не разоряется на них,
И говорят, что даже болен,
Кто в ночь вырезывает стих.

Уж мир заранее хоронит
Его насмешкой роковой.
Да, он – неизлечимый хроник,
Он вечен, как мятели вой.

Кто знает, – не его ль зачатъе —
Его конец в лесу глухом,
Когда крестом вы отмечаете
Его могильный свежий холм.

О, тихий друг, благодари же,
Что на свободе ты пока,
Что не больничный сторож рыжий,
А лишь закат – на три замка.

«Ни одного еще алмаза...»

Ни одного еще алмаза
Над вечереющей Москвой,
А здания закат измазал,
И золото на мостовой.

И в золотой пыли Тверская,
В недвижно золотом дыму...
Хотел бы знать, кому сверкает,
Смеется счастье кому.

У длинных черепов трамваев
Уже глаза воспалены.
И рельс протяжней завывает
От колеса и от луны.

И тот, кто счастлив, руки пучит,
Чтоб искру лишнюю украсть.
И телом женщины скрипучим
Продажная смеется страсть.

«Бичами вечер в очи хлещет...»

Бичами вечер в очи хлещет,
Кнутами золотыми бьет,
И в плечи – звезд впились клещи,
И жаром прет закатный рот.

И голубой зарницы веер
Трепещет на груди земной.
Конец, описанный Матвеем,
Крылами реет надо мной.

Тебя я вижу, – ты насыпал
Курган сырой лазури сам.
Уж гром далекий басом сиплым
Над нами панихиду там.

Но я от света не ослепну,
Я лягу на снопы лучей,
И своего я света лепту —
Тебе, вселенной казначей.

За то, что нет на свете мрака,
Лишь радуг мрачных свет кругом.
И не чертей, а леших драка
В лесу Эреба голубом.

«Как мастер, будь молчаньем горд...»

Как мастер, будь молчаньем горд.
Твою заря клеит афишу.
И пусть ее не видит город, —
Ее петух и рощи слышат.

И для тебя как мука пусть —
Купаться в блещущей витрине.
Лишь непроявленная грусть
В аду зрачков, как пламень синий.

И там в очах, в ночищах камер
Неизреченных мыслей зуд,
И выются звезды светляками,
По мозговым волнам ползут.

А ты крепися, молодая
И нестареющая мощь,
И, никого не осуждая,
Не преклоняйся, мастер, вождь.

«Они у жизни ищут смысл...»

Они у жизни ищут смысл.
Ни к блеске дня найти не могут
И ни в таблице звездных числ.
Не видят вечную дорогу.

Пропала истины игла.
Не поднял ни один философ.
Лишь перья скрюченных вопросов
Над безднами качает мгла.

Но надо жить лишь миг хотя бы,
Чтоб очи сонные продрать,
Чтоб видеть, как по сонной хляби
Лучей бесчисленная рать.

И надо жить, чтоб смысл иметь,
Чтоб ночь вопросами качала.
Сначала жизнь, а после смерть,
А после смерти вновь сначала.

«Сказала молодость: всего хорошего...»

Сказала молодость: всего хорошего.
И крепко дверь закрыла за собой.
Заря, ночей и дней золотое крошево,
Лежала на тарелке голубой.

Уж черви звезд давились и лопали,
Уж лезвие луны златила ржа.
А я и друг мой, ветер, шли мы по полю,
И друг меня за шиворот держал.

Скажи мне, кем твой глас рожден, кем вынянчен,
Кто сердце как язык в грудную медь,
Скажи зачем, куда и где, а иначе —
Строка на шею и дышать не сметь.

И я сказал ему и душу вывернул
И золото покоя подарил.
С тех пор я строфы шумные, как ивы, гну.
И ставни глаз бушуют до зари.

«Никогда он не будет покоен...»

Никогда он не будет покоен
И приюта нигде не вспоет
Потому, что безумен, как Каин,
И безумием проклят поэт.

Не один только набожный Авель
Взмахом глаз его гневных убит
Для того, чтобы лужица крови
Отразила созвездий набат.

Не баюкает буря, а гонит
На восток, на закат, на огонь...
Спать-жиреть, ничего нет поганей.
Вечно бодрствовать, вечно хоть сгинь.

И с копьем вдохновенья, как воин,
И с печатью тоски на челе,
Он лучей золоченые сваи
У далеких миров подпилит.

И скандал золотой во вселенной,
Звезды падают, как шелуха.
И хохочет безумием пьяный
Вечно проклятый мастер стиха.

«В неверьи злом, как в черной корче вы...»

В неверьи злом, как в черной корче вы...
Ужель чудес вам мало?... Вот,
Вот этот почерк неразборчивый,
Его ведь бес не разберет.

А очи бредовые серые,
Обыкновенные как бы,
А лоб, что с фосфором и серою
Направил лук в иные лбы?

Ведь эти руки забывают,
Что есть другие руки здесь.
Эй, ты, карманник из трамвая,
Ты не зевай, в поэта лезь!..

«В душе созвездия засели...»

В душе созвездия засели.
То глазками стреляет мгла.
Из скуки я творю веселье,
И ночь волшебней дня светла.

И пахнет женщина цветами,
И пахнут женщиной цветы.
И там за синими кустами
Вершинами черемух ты.

Запущена до шляпки синей
Метелью страстной луны.
И в сны неведомой пустыни
Твои глаза унесены.

Там пасть ночная звезды скалит,
И там я докажу пескам,
Что стан твой жгуч и музыкален,
Что струны ад на нем ласкал...

«Морей немолкнушие гущи...»

Морей немолкнушие гущи
Синеют и, как в облак, в брег
Для стран, культурами цветущих,
Протягивают ветви рек.

На них плодами тяжелеют
Измызганные города.
И в каменных громад аллею
Людская черная вода.

У них чернеют словно зерна
В граненных камерах сердца.
И солнцу старому покорны
Глаза, оконца два лица.

И сок морей, от зорь багряный,
По жилам вьется голубым.
И снятся счастья поляны
В лесах запутанных борьбы.

На плоть богов под микроскопом
Живучесть звезд похожа там.
И скачут под луной галопом
Тела прозрачные у дам.

И в степь песчаную столетий
Валятся в осень города.
И оттого жемчужно светит
Морей зеленая вода.

«Золото, жемчуг, брильянты...»

Золото, жемчуг, брильянты
Тихо смеются в веках.
Смех роковой непонятый
Кровями радуги пах.

Были художники – маги.
Резали свет нипочем.
Мазали кожу бумаги.
Звезды сшибали плечом.

В них они краски варили,
В тонких горшочках высот.
Мускулам стряпали крылья,
Оси земли – колесо.

Что это? – снова за данью
Желтые скулы зари...
Лунную, вечно баранью
Русь золотят октябри.

Золото, жемчуг, брильянты —
Прячьтесь в земную кольчугу.
Нынче лишь вы нам приятны,
Медь, свинец, чугун...

«За фалды буря тащит вечер...»

За фалды буря тащит вечер,
Как Петифара среди дня.
У рощи говор человеческий
И женская у птиц возня.

И кистью молний свод расцвечен,
И туч колокола звенят.
И рожь смирением овечьим,
Как жертва, смотрит на меня.

Я знаю, скоро чей-то суд.
Колосьев тоненькие души
Бичей грозы смиренно ждут.

И дождь, копытцами блестя,
Рысцой бежит и жгет, и тушит
Костры на сердце бытия.

«Как эфир голубоватый...»

Как эфир голубоватый,
Мир наполнила собой.
И рассветы, и закаты,
И часов созвездий бой.

В грозах, в синем их настое
Тишина растворена.
В нем сверкает золотое
Стремя грома-скакуна.

Знает синь, чьи руки пряли,
Знает бурю наизусть.
С черных раковин роялей
Падает по каплям грусть.

Их монах какой-то скромный
Оторвал с подводных скал,
И в каютах грустных комнат
Блещет клавишей оскал.

Жемчугом и песней блещет,
Песней непонятной нам.
Слушай, слушай, корабельщик,
Пальцы бури по волнам...

«Можешь притворяться кроткой...»

Можешь притворяться кроткой.
Всё ж бояться старики.
Закрывают щели, фортки,
Прячут нос в воротники.

А другая часть народа
Любит тоже тишь и гладь.
Буря, кто б тебя не продал,
Кто б желал с тобой гулять?..

Не увидят дно златое
И за новенькую медь
Солнца лени и застоя
Продадут, чтоб уцелеть.

Двое лишь дрожат любовью
И в веках летят к тебе.
Гнезда вечности борьбой выют,
Чуют хмель любви в борьбе.

Это, в золоте купаясь,
Гордый парус над водой
И беременный, как парус,
Лоб поэта золотой.

«Как литавры, взвейтесь, зори...»

Как литавры, взвейтесь, зори.
Флейты звезд засвищут пусть.
Этот млечный лепрозорий
Перевейте в ясный путь.

В райский сад царицы некой
Ада вспенивайте зыбь.
Язвы мира, солнце-лекарь,
Порошком лучей засыпь.

Я хочу, на самом деле,
Чтоб от песен всех и вся
Души млечные зардели,
Мир чтоб новый родился.

«Песчаный лев давно привык...»

Песчаный лев давно привык,
Очами тын стальной не выбить.
Как нож тупой, молчит язык,
И лапы, лапы спят, как рыбы.

И, как сова, орел в углу
Сидит, и крылья, крылья дремлют.
А плен прозрачен, тянет глубь
В иную солнечную землю.

Лишь белый волк полярных снежиц
Не может волю позабыть.
Он прут грызет, до пены режет
Гортань железную судьбы...

«Ужели нет в душонках душ...»

Ужели нет в душонках душ,
И духа дух застеган туго?..
Не может быть, таков я уж,
Я вижу в них веселый угол.

Не паутина, не иконы
Висят в углу душонки той,
А смех безумный, беззаконный
Дрожит, как зайчик золотой.

И он не молкнет ни минутцы,
И он единственный не глуп,
Тот смех, чьи волны нежно гнутся,
Тот смех души в святом углу.

«Под храмом банка синий склеп...»

Под храмом банка синий склеп,
В нем гробы золотые, слитки.
Лежат с тех пор, как мир ослеп
И стал от крови злой и липкий.

Ну и желудки у планет, —
Тысячелетия не могут
Переварить навек, на нет
Молитвы золотому богу.

И было их вначале три, —
Из камня, бронзы и железа.
Упал четвертый с крыл зари,
И в жилы гор мясистых влез он.

И лег бесстыдно на поля
Нагим скуластым самородком,
С тех пор в тисках виски болят
И мечутся в пути коротком.

Но верю я в волшебный час, —
Гроба из золота растают
От наших же волшебных глаз.
Мы новых дней увидим стаю.

«Если ты на вершине, – держись...»

Если ты на вершине, – держись,
Не сползай ты на крыльях в угодую.
Пусть в долине трепещут за жизнь
И хорошую ценят погоду.

Ты ж ненастью бессмысленно рад,
Путешественник дивный, художник.
Пусть внизу про тебя говорят:
Посмотрите, как мал, нас ничтожней!..

В мире есть Арарат, Эверест...
Высота до бессмертия душит.
И в снега их страниц, словно крест,
Тащат тело терновые души.

Так лишь им ты кричи, чтоб дойти,
Но лишь в оба гляди: высь упруга.
Так орлы на лазурном пути
Окликают над бездной друг друга.

«Слово было вначале...»

Слово было вначале,
Голос огненный был,
Землю песни качали,
Песни гнева, борьбы.

Хаос бегал от боли,
Но не падал, и вот
Копья звезд прокололи
Его синий живот.

Племена выходили,
Чуя падаль вдали.
Лили в чашечки лилий
Плоть живую земли.

И столетья кишели.
И молчала заря.
Золотые шинели
Глаз истории прял...

Густо сумерки встали,
Память прошлого чтя.
Нынче вылит из стали
Белый месяц, дитя.

Кудри тучки напаялил,
Бросил нить и говеть.
Луч стальной, не тебя ли
Ждет лягушка в траве?

Мастер пьян, безграничен
От эрекции строф.
И в сугробы страничек
Огневое перо.

Мир на слове отчалит
С маской мглы на лице.
Слово было вначале,
Слово будет в конце.

«Листья звезд давно завяли...»

Листья звезд давно завяли,
Млечный путь давно прокис.
Всё нет лица, всё сеть вуали,
Всё тот же каменный эскиз.

Почтенным слоем пыли едкой
Там скука вечности легла,
И не смести ни звездной веткой,
Ни мглой закатного крыла.

Лишь запирает мастерскую,
Как рыжий сторож, новый день.
У врат ночных сильнее тоскуют,
И кудри слов еще седей.

«В осиннике смеется сирин...»

В осиннике смеется сирин,
В саду жар-птица, гамаюн...
Я не один в журчащем мире,
Еще люблю и, значит, юн.

Еще звезда, белком сверкая,
Гипнотизирует меня.
И песня сумерок морская
Краснеет, крыльями звеня.

И ты, безумие, зачатъе
И юности и песни той,
И ты, любимая, – качайте,
Мой сон качайте золотой.

«Еще весна не пропиталась...»

Еще весна не пропиталась
Горячей пылью городской.
Еще поэт свою усталость
Не простонал своей строкой.

А говорливый звонкий ветер
Уже по-новому звенит
И говорит, что есть на свете
Лазурно-золотой зенит.

У пирамид, у их подножий
Песчаный стелется ковер.
И сфинкс века и тайны множит,
И луч подземный ход провел.

Невесть чего ученый ищет
На берегу пустыни той.
Плитой тяжелой над кладбищем
Зенит лазурно-золотой.

И мне б хотелось, чтоб до бронзы
Мою он кожу искусал,
Самум чтоб молниєю борзой
Обнюхал туч уж близкий сад.

Чтобы в бушующем саду там
Бродила ты со мной одна,
Чтоб я собой тебя закутал
И выпил всю тебя до дна.

«Сверкает тихий и великий...»

Сверкает тихий и великий,
В луну влюбленный океан.
Поют его ночные блики
Легенды схороненных стран...

Они на дне, давно не слышат,
Испепеленные огнем.
И ветер подводный гнет их крышу
И волны голубые гнет.

И вспыхивает вновь зажженный
Тайфун и в руку – глубь, как флаг,
И волн он вспахивает склоны,
И пену скалит на валах.

Уж туч колчаны гром наполнил,
Уж колет небо пополам
И золотым прикладом молний —
По взбунтовавшимся валам...

Но в песне жив тайфун, и вечен
В затишьи вод его баян.
Не зря ночные блики мечет
В луну влюбленный океан.

И те скалы, где ночевала,
Где свет ее был так блудлив,
Он зацелует до отвала,
И дар со дна примчит прилив.

«Горька на вкус людская туша...»

Горька на вкус людская туша,
Она последний плод земли.
Ее холодной надо кушать
И хорошенько посолить.

Бессмертен в мире мудрый Ирод.
Детей в утробах бьют и вне.
Лопатой солнца вечер вырыт,
И черви-звезды в глубине.

И блещет глиняная насыпь,
Зарей желтеет и зовет.
И говорят, что мир прекрасен,
Что лишь не понят жизни гнет.

И не одним лишь пальцем тычут,
Любовь прозрачная, в тебя.
Слюною плоти льют в добычу,
Бородки мяса теребя.

И вечных льдин очарованья
В морях страстей – одни и те ж.
И где-то там, в глухой нирване
Встает неслыханный мятеж.

«Не гаснет в пустынном народе...»

Не гаснет в пустынном народе
Золотая души купина.
А с площади ночи не сходит
Проститутка столетий – луна.

Под сводом ни марша, ни лая.
Акробаты-миры так тихи.
Протянута сетка гнилая
Из божественно-млечной трухи.

А где-то вершинами скалит,
Мышцы гор наливает земля,
Чтоб с плеч заревых вакханалий
Гирю солнца свалить на поля.

Чтоб златом до крови зеленой
Размозжить их, до первой травы,
Чтоб просто, как вербы, как клены,
Засмеялись от солнца и вы.

«О, смерть, о, вечный Рим вселенной...»

О, смерть, о, вечный Рим вселенной,
Пути планет к тебе ведут.
Ты любишь воск, и воск отменный
Кует из тела знойный труд.

И песнь поет он, труд безумный.
Зовется жизнью песня та.
И за околицу, за гумна, —
У песни слава золота.

И в час зеленого рассвета
С петлей луны на эшафот,
Оставив мед в минувшем где-то,
К тебе, о, смерть, мой воск взойдет.

«Под фонтаном журчащего солнца...»

Под фонтаном журчащего солнца,
Что струями полудня сквозит,
На ковре замурудном пасется
Молчаливое стадо изид.

Их нагие тела загорели,
Загорел и под елью пастух.
Был и больше, и жарче свирели
Озириса цветок, что потух.

Но никто не узнает об этом,
Ни пастух, ни коровы его.
Лишь с быком, одиноким поэтом,
Тайну делит свою естество.

«Пугает Пан голубоглазый...»

Пугает Пан голубоглазый,
Вечерние болотца, вас.
И небо в панике – не вазы,
А звездные осколки ваз.

И уголь месяца рогатый
Из пепла сумрака торчит.
Золотокожие закаты
Как хворост жгли свои мечи.

И страстной стали наготу жгли.
Вином просвечивал закал.
И в млечные ночные джунгли
Как тигр мой вечер ускакал.

И там в росе неопалимой
Блистающего тростника
Блуждает песней пилигрима
Моя безбожная рука.

«Веселый соловей не молкнет...»

Веселый соловей не молкнет.
Веселый гром в лесу ночном.
И в лунно-золотой ермолке
Мой старый сумрак за окном.

И ты, родная молодуха,
С любовью старою, как свет...
Уж полночь бьют созвездья глухо
В футляре млечном тысяч лет.

То духа трепетное тело
Крылами золотыми бьет.
А там уж снова зажелтело,
И новый день несет свой мед.

И в сотах песни пальцы вязнут,
Как ребра клавишей, лучи.
День тянет к новому соблазну
И в новую пучину мчит.

«Таишься в утренней листве ты...»

Таишься в утренней листве ты
Несмелой птичьей пестротой.
Зелено-синие рассветы
Ладонью гладишь золотой.

А там на площади небесной,
Там в синеве, наискосок,
Дорога тянется над бездной,
Тая вселенной млечный сок.

И там бесчисленные встречи
Молекул млечных вещества.
И солнце солнц фонтаны мечет
Не человеку в рукава.
А человека нет. Напрасно
Его в столетьях ищут, ждут...
Рассвет лишь пастью сладострастной
Кусает вязкую звезду.

«Большою буквою любили...»

Большою буквою любили
Тебя отметить, Тишина.
Не вечер был – огромный филин,
Единый круглый глаз – луна.

На ветке голубой сидел он.
А в дереве вселенной дрожь.
В листе созвездий поределей
Как маятник качался нож.

И кто-то буквою большою
Слова простые отмечал,
По телу пробегал душою,
Метался молнией меча.

А утро золотым прибоем
В обои, в плечи, в потолок...
И ночь, и день, – отдай обоим
Весь полный песен кошелек.

«По-вашему, проснулись птицы...»

По-вашему, проснулись птицы
И оттого веселый звон.
И солнце старое струится,
И старый день опять зажат.

А я стучу чернильным клювом,
По голубой коре стучу.
Подайте уши, говорю вам,
Я тку бумажную парчу.

У дня не смазаны колеса,
И в дышле распекает ось
О том, что не рассвет белесый,
Что небо жирное зажглось.

И вкусный запах по планетам,
И головы – цветы в чаду.
И весело безумно где-то
И гостью золотую ждут.

А солнце славно чешет бок свой
О кресло, о мое плечо...
И горя больше нет, лишь боксом
Живое всё увлечено.

«Не лежит на месте камень...»

Не лежит на месте камень,
Через край рассветный мед.
Страх холодными руками
Сердце желтенькое жмет.

С волками по-волчьи воют.
Те же гимны. Та же тьма.
Новых вывесок листвою
Обрастают пни-дома.

Языки флагов трепещут,
Как у сеттеров в жару.
Жажда страшная у вещи.
Песни мертвецы орут.

Разберем на кости, кости,
Дом планеты разберем.
Плечи всех гигантов, сбросьте
В пропасть счастья наш дом.

«Опять зажглась моя блондинка...»

Опять зажглась моя блондинка
Веснушками листвы и звезд.
И вихрь ее ласкает дико
И в глушь зеленую зовет.

И воет ей под ухом рыжим:
Уйдем, любимая, туда,
Мы тонким золотом забрызжем
Запуганную зыбь пруда.

Ты косы как заря распустишь,
Я буду твой последний гость,
Я выпью мед тончайшей грусти, —
В заре как соты сад насквозь.

Утихну я, и тихо ляжем
Под рыжей яблоней высот.
На золотом пруду лебяжем
Всплывет луны распухший плод.

А ночь — вся в звездных пантомимах...
И в пасть блестящую пруда
Слетит с ветвей необозримых
Последним яблоком звезда.

«Опять на заре разбудила...»

Опять на заре разбудила
Болтливая муза моя,
Взяла меня за руку мило,
В свои утащила края.

Смотри, как из горных палаток,
Чей вечен фарфоровый снег,
Выходят в синеющих латах
Колонны зыбучие рек.

Вон пальцами скрюченных устий
Жуют они копыя свои,
С безумными песнями грусти
Морей затевают бои.

И волны, оскалившись, гибнут,
И брызжут как пена мозги.
И звезды – победному гимну...
А в безднах подводных ни зги.

«Земля – и нет иной святыни...»

Земля – и нет иной святыни.
Земля в кругу ночных светил.
За угасаньем ночи синей,
Как жрец, я пристально следил.

Как уголь, месяц стал оранжев,
Как чадный кончик фитиля.
И день, как много тысяч раньше,
Уж золотым хвостом вилял.

А звезды в судорогах тлели,
С гримасой горькой пили яд.
Так где-то в мраке подземелий
В столетьях узники горят.

И вылез из берлоги день уж,
Янтарной гривой задрожал.
О, день, кого ты не заденешь
Огнистым языком ножа!..

И камни, камни станут плавки.
И грусть моя, как смех, легка.
И без единой переправки
Из пальцев вылезет строка.

«В резной бокал строфы мгновенной...»

В резной бокал строфы мгновенной
Тоска не выльется моя.
Полезет пламенная пена
Через зыбучие края.

И матерьял всегда в остатке
Для новой схватки роковой.
И сердце пьяно кровью сладкой
И бьется певчею волной.

О грудь скалистую... Трепещет,
Орленком в скорлупу звенит,
Пока строки змеею вещей
Златой расколется гранит.

И скорлупа страницы треснет.
То юный образ – головой.
И синими крылами песня
Ударит в купол мировой.

«В снегу страницы мой костер...»

В снегу страницы мой костер.
А хворост строк и сух и крут.
Еще столетьями не стерт
Луны червонный полукруг.

И мутен лик, что там внутри.
Не разглядеть, не разобрать...
Отец ли там в огне зари,
Или во тьме пещеры мать.

Иль с пухлым пальчиком во рту
Младенец уцелевший там
Уж шлет проклятия кресту
Обдумывая новый храм.

О, купол ночи расписной,
Чьи фрески звездные горят!
Века ты дремлешь надо мной...
Проснись и раскачай свой ад.

Ты желчью солнца просочи
До липкой зелени листы.
Лучей острейшие мечи
Вонзи в бессмертье красоты.

«Ну вот до сентября довез...»

Ну вот до сентября довез
Мой славный конь, росой мытый.
Над головою кисти звезд,
И в листьях золотых копыта.

Их золото нежнее стружек
Сосново-золотой доски.
И пес мой, ветер, с ними дружен
И кружит их, как лепестки.

То лепестки цветов огромных,
Самих деревьев седина.
Закатов бешеные домны
Их раскалили докрасна.

И вьется, вьется дым ленивый,
И птиц и строк последний дым.
И сумрак строг, и топчет нивы
Последним стадом золотым.

«По камерам былых столетий...»

По камерам былых столетий
Я вечерами проходил.
Я слушал, как решетка светит, —
Язык луны в тисках удил.

Чего, чего я там не делал,
Кого, кого я не ласкал...
И пенилось от женщин тело,
Как вал морской от голых скал.

И бард за то, что шкура барса
Там под плащом, как под фатой,
Струями песни улыбался
Пантере ночи золотой.

Не так давно я ломти грусти
Голодным ивам подавал.
А вот сейчас пропеллер спустит
Меня на Марса странный вал.

Не знаю, в камеру какую
Зашел я в этот вечер свой...
Какой там век идет?.. Тоскуют.
Двадцатый? – Нет. Сороковой.

«Жена, твои несчастны уши...»

Жена, твои несчастны уши.
В дырявые сосуды их
Вливаю только что блеснувший,
Еще не остуженный стих.

Я знаю, знаю, знаю трижды,
Что ловишь ты прекрасных мух.
Когда читаю, не горишь ты,
И где-то в тряпочках твой слух.

И слышу смех твой полудетский...
То звон строки, словечек бой
Сквозь тень, уснувшую мертвецки,
Твоей ресницы голубой.

Но, друг ближайший мой, пойми ты,
Что никогда так одинок,
Как в этот век, тоской облитый,
Поэта не бывал венок.

И снежную страницы скатерть
Вино тоски облило сплошь.
И в час зеленый на закате
Поэт, как правду, ценит ложь.

«Белый свет безбрежен...»

Белый свет безбрежен,
Белый океан.
Смерть зарею брезжит,
Тушит звезды ран.

Корабли да выюги
Пашут нашу гладь.
На зеленом юге
Северу пылать.

Быть снегам и пене,
Быть луне и псам.
В сердце песнопенье
Утоплю я сам.

Никому навстречу,
Руку никому.
Тишиной отмечу
Голубую тьму.

«О, ночь, я вновь твою свирель ищу...»

О, ночь, я вновь твою свирель ищу.
Упал как занавес закат.
Конец неконченому зрелищу
И звезды свищут и галдят.

А ты с луною целомудренной.
Под ней земли живой экран.
И парики садов напудрены.
И блеск из окон, глаз и ран.

И бледные гиганты прыгают.
Кто пьян, кто счастлив, кто казнен.
А день встает злаченой книгою
И скупое счет ведет времен.

«Черные строф кружева...»

Черные строф кружева.
Белые плечи страничек.
Пальцами песню жевал,
С адом безумья граничил.

Слушал, как движется ящер
С воем о будущем Канте,
Видел, как Дарвин блестяще
Тянет в лесах канитель.

Пену прибороев оскалю,
Челюсти рвал океан.
Жрет Атлантиду каналья,
Давится левиафан.

Звери стекались в груды,
Звездно из них человек...
Люди сливаются... будут
Новые звери в траве.

«Я только пел, я не курил...»

Я только пел, я не курил:
Семашки слушался попросту.
Теперь чуть звезды, – до зари
За папироской папироску.

Я звезды на бумагу свел,
Зашелестели ярче, звонче...
И вьется золотым червем,
Клубится папиросы кончик.

И снится мне в ночной печали,
Что в Атлантиде за тоску
Не лаврами певца венчали,
А вениками табаку.

«Я хочу незаметным пройти...»

Я хочу незаметным пройти,
Чтобы волны пустыни бескрайной
Схоронили навеки пути,
Искривленные горкою тайной.

Чтобы шли караваны столетий
По могиле песчаной моей.
Чтоб никто, чтоб никто не заметил
Схороненных, как золото, дней.

«Сколько вывесок и кличек...»

Сколько вывесок и кличек,
Сколько лавров и хулы...
В шторма час кого приспичит
В цепи строк ковать валы?

В шторма час – стихий прогулка,
Плоть их – бешеной рекой...
Кто же их окликнет гулко? —
Но тюремщик есть такой.

Режет волны. Сталью вырос.
Кровью черной льет душа.
Ночь схватил за лунный вырез,
Звездно краски он смешал.

Дикий мед – из львиной пасти,
Из кишок себе венок...
И зовут безумца мастер,
И тот мастер одинок.

«Есть Нетова земля. Для многих...»

Есть Нетова земля. Для многих^{6}

Ее не существует, нет.

Но строки выют ее дороги,

Цветами выют иных планет.

Весна и осень на земле той

Живут как сестры меж собой,

Зима похожа там на лето,

Рассвет на вечер голубой.

И тишина в траве высокой

Поет кузнечиками там.

И бегают земные соки

Струями плоти по листьям.

И Пан, боготворимый всеми,

Великий, вечностей пастух,

В прекрасном стаде, как в гареме,

На славном тешится посту.

И раскрывает лапы шире

И стебель комкает луча.

^{6} *Нетова земля.* Этот образ в поэзии Ширмана, вероятнее всего, связан с рассказом С. Д. Кржижановского «Страна нетов» (1922; опубл. 1989) и его повестью «Штемпель: Москва» (1925).

И где-то там, в далеком мире
Поэт курчавый величав.

«В гробах шкатулок умирали...»

В гробах шкатулок умирали
Еще живые жемчуга,
А гром уж с молнией скандалил,
Ковал нахмуренные дали
И крепко-крепко всё ругал.

И кости зданий дребезжали,
И кто-то крышу в барабан,
И кто-то вдребезги скрижали,
Гремучей молниею жалил
И бездны мира колебал.

«Опять на плахе ночи канул...»

Опять на плахе ночи канул,
Как голова любимой, год.
К певцу на ложе, к великану
Денница новая идет.

Скорей. Зари тончайшим мясом
К бокалам глаз моих прильни.
Молочным сумраком дымяся,
Гаси последние огни.
И ты уйдешь. И в ночь такую ж.
Под звездную глухую медь...
Бессмертная, лишь ты ликуешь
Шехерезадой черной, смерть.

«Радуйтесь, – петь я не стану...»

Радуйтесь, – петь я не стану,
Выжму молчанье из грусти.
Месяц свой коготь янтарный
В сердце поэта запустит.

Звезды в трапециях ночи
Номер последний исполнят.
Ветер мой лик обхохочет
В третьем кругу преисподней.

Будут и гимны, и ругань.
Дни разлетятся, как стаи...
На ночь метель лишь для друга
Бедра сугробов оставит.

«Я накипаю твою золотую...»

Я накипаю твою золотую
На заросли строк променял.
Последние звезды воркуют
На крыше зажженного дня.

Я вижу, как сеют мужчины
Всю злобу, всё счастье, весь яд...
И, корчась от жажды пустынной,
Их женщины влаги хотят.

Я слышу, как рожь просыпается
У ветра зари под бочком.
А солнце тончайшие пальцы
Кладет ей на плечи тайком.

И крепче винтовку пера я.
Как утро, безмолвен и строг.
Костром я трещу и сгораю
В блистающих зарослях строк.

«В стекло листа строка стучится...»

В стекло листа строка стучится,
Костями ветвей слова стучат.
Их учит осень, как волчица
Любимых тепленьких волчат.

В траву заря и сад осыпались.
Ни волоска на полосе...
Ах, звезд тысячелетний сифилис —
У голой ночи плечи все.

Стучись, строка, стучись приветом
Всего, что потеряло мощь...
За то, что ночь гуляла с ветром
На золотых базарах рощ.

«Прильнула рыжими власами...»

Прильнула рыжими власами,
К ногам земным легла заря.
И слов гирлянды выются сами.
И очи звездные горят.

И пахнет ландышем дорога.
И в белом женщина и я.
Как струны, тело буду трогать
Всей буйной святостью огня.

Да будет то, что стыдно, – свято.
На всей планете мы вдвоем.
Ран струны счастья в листьях спрятал...
А мы повязки все сорвем...

«Ковшами строф души не вычерпать...»

Ковшами строф души не вычерпать,
Не выплеснуть кнутами слов.
Страницы снегом занесло.
А звезд на тыне синевы – черепа.

А с плеч вы думаете что ж,
Как не головушек орехи?..
Ночей и дней галопом дождь.
Эй, конь земной, куда заехал?..

Вот так, по степи мировой.
А то, как в цирке, по орбите
Под хлыстик солнца... Эй, смотрите, —
Луна сквозь обруч зорь – дугой.

Ковшами строф души не вычерпать,
Не выплеснуть кнутами слов.
Страницы снегом занесло.
А звезд на тыне синевы – черепа.

«Тело света еще...»

Тело света еще
С черного креста не снято.
Раны звезд никто не счел.
Пьют из лужи заката.

Миру давно не тепло.
Воздух от холода синий.
Скрижалей разрезанный плод
Зернами слов на витрине.

Эй, раскрывайтесь, шкафы.
Свитки в дорожки скорее.
Четыре полена строфы
Мир коченелый согреют.

«За сердца кулак неразжатый...»

За сердца кулак неразжатый,
За факелы глаз, за кусок
Начищенной меди заката, —
Сижу за решеткою строк.

Как кружка, чернильница налита.
Мозг – пресная каша тоски...
А город по рельсам асфальта
Вперед, как колеса, шаги.

За птицами бегают... Колят
Пухлейшую грезу штыки...
Звон... В потных рубрах колокольных
То бронзовых мышц языки.

Я чувю, планета быстрее
Ворочает времени винт.
Пол гнет свои алые реи
Под пар, а не парус любви.

Вот берег желанный сегодня.
Девятую песню валы.
На зорь золоченые сходни
Уж луны, носильщики мглы.

Вот солнца приказ. Чтобы сухо,
Не то в ребра лужи – лучи.
Все клеточки тела и духа
По шарикам всё получили.

Поэт на свободе... Но всё же
За струн паутину рука.
За то, что на свете дороже,
Дороже, чем радий, тоска.

«На этот лунный снег бумаги...»

На этот лунный снег бумаги,
На эту мертвую парчу,
Всесокрушающий, всеблагий,
Себя я выплеснуть хочу.

Кто выпил этот вечер крепкий?
Кто эти звезды наплевал?
Осушенных бокалов черепки —
Стихов колючие слова.

На лошадях бурана мчусь я,
На снег страниц чтоб лечь костями...
Не строф торчат в страницах сучья,
То кости черные мои.

«Горят везде мои цветы...»

Горят везде мои цветы,
И я срываю их повсюду.
И, тишина, в раскатах ты,
И в мраке – солнц я вижу груды.

И грустные такие ж лица
На улицах встречаю я.
Из века в век покорность длится,
И древней чудится земля.

И ничего не знаем. Дети.
Письмо лишь разбираем чуть.
И серый волк зрачками светит
И бродят вместе Русь и Чудь.

И ночи синяя страница
Вся в кляксах золотых чернил.
И вечный мир века двоится.
И Темзе снится синий Нил.

И сам себе кажусь я древним,
И знак неведомый строки
В глухой занесенной деревне
Кладу я в ночь на угольки.

«Великой любовью – до пепла Сахара...»

Великой любовью – до пепла Сахара,
До пудры червонной песка...
Тобой мое сердце в кустах полыхало,
Тебя я в поэмах искал.

Тянулась по дюнам страниц караваном
С горбами косматой тоски.
Бубенчиком рифма болталася чванно
На шее верблюжьей строки.

Великой любовью – на диком пожаре,
Что в диких столетях гулял...
Все складки зеленые пламень обшарил,
И в тишь золотую – земля.

Молчит от шатров пирамид до Марокко.
Лишь черный самум на пески
Орлом вдохновенья наскочит жестоко
И вытащит петлю строки.

«Не за заставой в сорной яме...»

Не за заставой в сорной яме,
Не по глазам лесных озер, —
На площадях под фонарями,
По жилам улиц мрак ползет.

Есть теплое у мрака мясо,
Яд сладости у мяса есть...
И где-то там, ножом смеясь,
За сердцем притаилась месть.

А луч мечом по вековому,
На стол снопами с высоты...
И не легко жуют солому
Привычные к мясному рту.

«У ней терпение востока...»

У ней терпение востока,
Она выдерживает всё.
Бичами строк ее жестоко
Поэт, палач и режиссер.

И оттого как снег страница,
И ни кровинки нет в снегу.
На дыбе тянут, дух струится,
Из глыб висков ручьи бегут.

А на завалинках вселенной
Века в прическах всех былых,
И нюхают табак священный
Из табакерок зорь и мглы.

И желтый след закатом стынет
На пальцах уходящих дней,
И молний клинопись отныне
Выбалтывает тьму ясней.

«Ветер, ветер, поэтический пес...»

Ветер, ветер, поэтический пес
На луну завывает на каменной площади.
Вам я, улицы, крылья принес,
Вы ж белье фонарей в мутной сини полощите.

Ах, луна распустила свой лен.
То земли неизменный в столетиях пудель.
Ветер, ветер столетья влюблен,
Ни и воде, ни в огне, никогда не забудет.

В роковой фиолетовый час,
Рассказав о заре опьяневшему ландышу,
Он, в окно золотое стучась,
Камень бешеной скуки положит мне на душу.

И в глазастую ночь октября,
Вея запахом плоти, и гнили, и сырости,
Он зайдет ко мне в гости не зря,
Солнце мая в душе моей вырастит.

Верен ветер всегда и, метелью дымяся,
У крыльца он последний свой вал.
Потому что певец своим огненным мясом,
Мясом сердца его годовал.

«По дереву вселенной синей...»

По дереву вселенной синей,
Что ветер магнетизма гнет
Холодными руками осени, —
Я мчусь не белкой – мчусь огнем.

Не след от лапок строфы эти,
Колючки строк не коготки.
От тренья медленных столетий
Решетки вспыхнули тоски.

Позабыл святую проповедь:
В травах рая ползай ты.
Захотелось мне отпробовать
Звездных яблок высоты.

Два вечных палача в рубахах там
Из заревого кумача.
Восток и Запад. Кроют бархатом,
Да рубят со всего плеча...

«Теперь я знаю, отчего...»

Теперь я знаю, отчего
Гарем берез – пожар зеленый,
Когда мелькает каждый ствол,
Руками ветра опаленный.

В зеленый час не оттого ли
Звездами вздрагивает глубь,
Что царь-завод ее изволит
Насиловать лесами труб.

А дрожь поэта ледяная,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания